

Деньги и война: экономика повседневности в период Великой Отечественной войны

МИХАИЛ
НИКОЛАЕВ

В России и СССР периоды финансовой стабильности, когда денежное обращение не испытывало серьезных проблем, сменялись полосами протяженных или краткосрочных кризисов, причинами которых становились революции, войны и вызванная ими разруха. Это проявлялось в трудностях, испытываемых не только государственным бюджетом, но и населением в повседневной жизни.

Нет ничего удивительного в том, что в годы Великой Отечественной войны в условиях товарного и прежде всего продовольственного дефицита, нормирования, административного регулирования цен произошла, как это неоднократно уже бывало в тех или иных масштабах, натурализация хозяйственной жизни, сопровождавшаяся снижением роли денег в качестве меры стоимости и средства расчетов, возродилось так называемое «мешочничество», повсеместно распространилась меновая торговля. И, чем тяжелее обстояло дело со снабжением жизненно важными товарами, тем явственнее это проявлялось – что и было повсеместно зафиксировано современниками: на фронте и в тылу, на подконтрольной Красной армии территории и на оккупированной. Большое количество свидетельств – по понятным причинам – оставлено ленинградцами. Иллюстрируемые в этой статье явления берутся прежде всего из дневников, писем и воспоминаний советских граждан. Сюжеты, относящиеся к сфере государственной экономики и финансов, будут затронуты лишь косвенно.

Прежде всего необходимо сказать, что деньги отнюдь не потеряли своего значения, но их роль заметно снизилась. Они продолжали использоваться при расчетах в сфере государственной торговли и услуг, на рынках, но на фронте их применение было весьма ограниченным. Типичными товарами, которые можно было приобрести в магазинах и автолавках «Военторга» были, как вспоминает начальник Управления продовольственного снабжения Красной армии (с 1942 года) Дмитрий Павлов, «лезвия для бритвы, расчески, карманные зеркальца, нитки, иголки, пуговицы, кисеты, трубки, мундштуки, бумага, карандаши,

*Михаил Николаев
(р. 1959) – историк,
специалист по российской
истории XX века.*

зажигалки, одеколон»¹. Также военные использовали деньги для расчетов с гражданским населением, а остальное, как правило, пересылали домой родным почтовыми переводами или посредством оформления денежного аттестата. Свидетельств от генералов, офицеров, сержантов и рядовых предостаточно:

«Я сейчас одет очень тепло и сшил себе полностью все, что у меня было во Львове. Вообще о мне не беспокойся. Нужно тебе сказать, что о нас заботится вся страна. Представь себе, я получаю со всех концов необъятного нашего дорогого отечества посылки на свое имя... Поэтому ничего мне не шли, все у меня есть. [...]

Я тебе вышлю на днях новый аттестат на 2500 рублей. Пиши, как его получишь, а то мне денег и этих хватает с излишком. У нас, кроме еды, их тратить некуда» (из писем генерал-лейтенанта Андрея Власова жене от 15 января и 6 февраля 1942 года)².

«Мамочка, ты меня прости, но я очень долго смеялся, когда прочел насчет денег. Во-первых, я их получаю (жалованье – 150 рублей), во-вторых, делать здесь с ними абсолютно нечего, поскольку все, что здесь есть, либо дается даром, либо не дается вообще, и ни за какие деньги этого не получишь. В-третьих, я сам недавно послал домой деньги, ты их, наверное, скоро получишь. Все это вместе очень смешно» (из письма военнослужащего Ю.И. Каминского матери от 7 апреля 1942 года)³.

«Вскоре после прибытия в БАО [батальон аэродромного обслуживания] командному составу начали выплачивать зарплату. Моя – равнялась тысяче рублей. Выдали еще “подъемные” в таком же количестве. Впрочем, “подъемные” тут же были перечислены в Фонд обороны. Деньги мне не были нужны вообще, и я отправил половину в Раненбург [родственникам], а половину домой. Так я продолжал поступать вплоть до того момента (кажется, это был октябрь месяц), когда удалось оформить “аттестат” на имя мамы. По этому аттестату она должна была получать 800 рублей, а мне выплачивались остальные 200» (из воспоминаний военврача Ф.И. Чумакова о своем назначении на должность летом 1941 года)⁴.

Военврач Мстислав Яковенко, воевавший в московской Рос-
токинской дивизии народного ополчения, вспоминает, что в 1941 году ему не на что было тратить свою зарплату и она почти целиком оставалась у него на руках, пока он не оформил аттестат на имя жены⁵. Командир взвода связи 2-й Ударной ар-

1 Павлов Д.В. *Стойкость*. М., 1983. С. 174–175.

2 Смыслов О.С. *Сталинские генералы в плену*. М., 2014. С. 9–10.

3 Цит по: СЕНЯВСКАЯ Е.С., СЕНЯВСКИЙ А.С., ЖУКОВА Л.В. *Человек и фронтовая повседневность в войнах России XX века: очерки по военной антропологии*. М., 2017. С. 288. Отметим, что об отношении военнослужащих к денежному довольствию в тексте монографии говорится в объеме, не превышающем одну страницу. При этом авторы упоминают об обесценивании денег как на фронте, так и в тылу.

4 Чумаков Ф.И. *Мемуары. Ч. II. (Война и плен)*. Машинопись. 1994. Государственный исторический музей. ГИМ 108797/100. ОПИ. Ф. 426, Д. 547 н/о.

5 Яковенко М.В. *Воспоминания времен Отечественной войны* (<https://iremember.ru/memoirs/mediki/yakovenko-mstislav-vladimirovich/>).

мии П.П. Лопатин записывает в дневнике 7 марта 1942 года: «Принят в кандидаты ВКП(б). [...] Послал домой 600 рублей. Мне зачем деньги? 1000 рублей внес на укрепление оборонных»⁶. Вольнонаемной 804-го отдельного автотранспортного батальона И.С. Морозовой, успевшей вырваться из окружения, деньги пригодились позже. Муж-сослуживец перед отправкой, как она вспоминает, «насовал мне в карманы сторублевых бумажек – свои получки, которые в окружении не на что было тратить»⁷. Будущий академик, сержант Николай Иноземцев, пишет в дневнике о нахождении в тылу на переформировании в связи с ремонтом боевой техники (ноябрь 1942 года):

«Спим как убитые. Просыпаемся только в 11 часов. Прекрасно позавтракали. Деньги есть с фронта, до сих пор они нигде не представляли никакой ценности, и тратишь их с удовольствием, ведь через пару-тройку недель – опять на фронте... Ходим по городу, покупаем билеты в театр на вечер и на завтра»⁸.

У Иноземцева, помимо прочего, можно обнаружить весьма редкое свидетельство такой траты денег, о которой в отечественной литературе о войне говорить было не принято. Находясь на Орловском направлении 5 июля 1943 года, он оставляет краткую заметку: «Блиндажи разведчиков в овраге. “Сестра” из санбата. 100 рублей. Очередь четыре человека»⁹.

Деньги не потеряли своего значения, но их роль заметно снизилась. Они продолжали использоваться при расчетах в сфере государственной торговли и услуг, на рынках, но на фронте их применение было весьма ограниченным.

В условиях тяжелой боевой обстановки деньги представляли собой все меньшую ценность. Василий Решетников вспоминает, как, пробегая по улицам эвакуируемой Одессы, бойцы увидели разбитую машину с разбросанными вокруг тюками денег: «И ни один человек не мог даже наклониться собрать деньги или хотя бы взять себе. Все думали: “Война. Куда мы так спешим? А может быть, ближе к смерти?” Вот поэтому никто и не брал этих денег»¹⁰.

6 Лопатин П.П. *Из военного дневника* // Иванова И.А. *Трагедия Мясного Бора. Сборник воспоминаний участников и очевидцев Любанской операции*. СПб., 2005. С. 164.

7 Морозова И.С. *Кому – жить, кому – погибать...* // Там же. С. 327.

8 Иноземцев Н.Н. *Цена победы в той самой войне. Фронтовой дневник*. М., 1995. С. 79.

9 Там же. С. 98.

10 Решетников В. *Защитник своей Родины. Реальная история 20-летнего парня*. М., 2005. С. 47.

МИХАИЛ НИКОЛАЕВ

ДЕНЬГИ И ВОЙНА: ЭКОНОМИКА ПОВСЕДНЕВНОСТИ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Дмитрий Небольсин, в мае 1942 года оказавшийся в составе десантной группы, брошенной на спасение командования Юго-Западного фронта, вспоминает: «Боеприпасов, воды, продуктов у нас хватало. Кое-что оставили штабисты, даже бросили, а может быть, забыли, целый мешок с деньгами. Кому они были нужны?»¹¹ Военврач Мстислав Яковенко, выходя из окружения под Вязьмой в октябре 1941 года, описывал однажды увиденное им: «Убитые лошади не были выпряжены из повозок, в одном месте около повозок было разбросано много бумажных денег, и мы прошли мимо них совершенно безразлично»¹².

Иногда могли действовать инерционные психологические механизмы. Политработник 2-й Ударной армии П.В. Рухленко описывает в своих воспоминаниях попытку выбраться из окружения:

«Голод сводил людей с ума. Когда транспортные самолеты еще сбрасывали нам мешки с сухарями, интенданты были вынуждены ставить охрану, чтобы мешки не растащили. [...] На двух бойцов и старшину напала группа людей, отняла у них часть туши убитой при бомбежке лошади и убежала в лес. Мы подошли ближе. У хозяев убитой лошади были порезаны руки – результат схватки с похитителями, а от лошади остались голова, ноги и потроха. Ребят было жалко, но мы все же осмелились попросить у хозяев ногу от лошади, пообещав 300–400 рублей. Деньги у меня были. Подумав, старшина велел: “Дайте старшему политруку часть ноги”. Я заплатил 300 рублей, и мы [...] были очень довольны»¹³.

Ограничивала сферу обращения наличных денег на фронте и практика перечисления денежного довольствия военнослужащих во вклады в полевых учреждениях Госбанка СССР. В приказе Наркомата обороны СССР № 151 от 31 марта 1943 года о привлечении вкладов военнослужащих в учреждения Госбанка и развитии безналичных расчетов, подписанном заместителем комиссара, генерал-полковником интендантской службы Андреем Хрулевым, констатировалось:

«Остатки вкладов в полевых учреждениях Государственного банка на 1 января 1943 г. превысили в 25 раз сумму остатков вкладов на 1 января 1942 года. Количество вкладчиков возросло за 1942 г. в 17 раз. Безналичные перечисления из денежного содержания военнослужащих к 1 января 1943 г. во вклады и на почтовые переводы достигли 70% к фонду зарплаты»¹⁴.

11 Небольсин Д.А. *Дважды младший лейтенант. Воспоминания, записки советского военнопленного*. М., 1998. С. 73–74.

12 Яковенко М.В. *Указ. соч.*

13 Рухленко П.В. *В окружении* // Иванова И. «Долина смерти». Трагедия 2-й ударной армии. М., 2011. С. 29–30.

14 *Русский архив: Великая Отечественная. Приказы Народного комиссара обороны СССР. 1943–1945 гг.* Т. 13 (2–3). М., 1997. С. 91.

Трудно объяснить такие цифры роста одним только добровольным желанием вкладчиков. Косвенное свидетельство содержит и сам приказ, в котором упоминается, что «при проведении вкладных и безналичных операций в отдельных случаях делались попытки показного привлечения вкладов, при котором зачисленные во вклады суммы немедленно затем выбирались из банка»¹⁵. Если учесть, что уже в декабре 1941 года Управлением полевых учреждений Госбанка СССР впервые был установлен план по приросту вкладов¹⁶, а планы в СССР – начиная с первых пятилеток – носили директивный характер, то можно представить, каким путем достигались показатели семнадцатикратного роста!

По понятным причинам в тылу военнослужащим деньги оказывались нужнее. Практика выезда сотрудников полевых учреждений Госбанка в госпитали с целью привлечения вкладчиков оборачивалась тем, что во время таких визитов выплаты со вкладов превышали поступления новых взносов¹⁷.

Вступая в контакт с населением освобожденных советских территорий, военнослужащие также находили применение деньгам. Местные жители в первые недели испытывали в них особую потребность, что, кстати, вело к снижению цен на колхозных рынках. В отчетности одного из полевых отделений Госбанка отмечалось, что при освобождении Украины, когда имелась «возможность купить сельхозпродукты», выплаты наличных денег со вкладов поднялись до небывалых размеров:

«Если в прошлые месяцы полевое отделение Госбанка выплачивало наличными деньгами по вкладам 600–700 тыс. руб., то за ноябрь 1943 г. было выплачено 1000 тыс. руб., за декабрь – 2176 тыс. руб., за январь 1944 г. – 955 тыс. руб. В декабре 1943 г. через каждые 5 дней [...] приходилось выезжать за подкреплением резервных фондов и непрерывно запрашивать эмиссионные разрешения»¹⁸.

На последнем этапе войны бойцы и командиры получали денежное довольствие в местной иностранной валюте. В 1945 году полевые учреждения Госбанка СССР действовали на территории четырнадцати иностранных государств, а количество валют насчитывало 25 наименований¹⁹. В этих обстоятельствах в мемуарах можно встретить такие зарисовки из венгерского военного быта:

«В переулке, на солнышке, солдаты играют в карты, на деньги. Проходящий офицер делает им замечание. В ответ ему ленивое:

¹⁵ Там же.

¹⁶ Коречков Ю. В. *Полевые банки России*. Ярославль, 1996. С. 127.

¹⁷ Там же. С. 191.

¹⁸ Там же. С. 206.

¹⁹ *История Банка России 1860–2010: В 2 т. М., 2010. Т. 2. С. 281.*

“Пеньги не деньги”. “Пеньги” действительно не считались деньгами, солдату было почти невозможно купить на них что-нибудь – военторги не достигали передовой. Солдат не покупал, а брал: брал много, больше, чем это выходило по расчету на “пеньги”²⁰.

Конечно, деньгам знали счет – от выплат за полученные боевые награды и уничтоженную вражескую боевую технику никто не отказывался, и, больше того, иногда даже спорили с тем, на кого записали удачное боевое действие. Своеобразным свидетельством того, что деньгами отнюдь не пренебрегали, могут служить финансовые преступления и казнокрадство. Так, например, в приказе войскам Западного фронта № 018 от 22 января 1942 года сообщается:

«В 573 пушечном артполку начфинчасти техник интендант 1 ранга Белоусов растратил 36 821 руб. Завделопроизводством – казначей Управления 7-й гвардейской стр[елковой] дивизии, техник интендант 1 ранга Шубин, растратил 2161 руб. Казначей 175 гвардейского мотострелкового полка, техник интендант 1 ранга Петров растратил 2030 руб.»²¹.

В приказе о результатах проверки Наркоматом государственного контроля планирования, финансирования, расхода и учета денежных средств в частях и соединениях Красной армии № 0215 от 25 марта 1942 года констатированы «многочисленные случаи незаконного расходования и прямого хищения денежных средств», среди которых упомянуты незаконные расходы «на приготовление пищи для начсостава», «покупку продуктов, спирта и вина». В приказе фигурируют следующие примеры:

«В 123 сд (Ленинградский фронт) старший сержант Богачев украл 32 тысячи рублей. Начальник финансовой части штаба 38-й армии (Юго-Западный фронт) Ермоленко присвоил 75 тысяч рублей, а начальник финансовой части штаба 40-й армии (Юго-Западный фронт) Прокопчук – 5,9 тысячи рублей. Командир 15-го запасного кавалерийского полка (Северо-Кавказский военный округ) полковник Курсаков с 13 августа 1941 года по 1 января 1942 г. получал денежное содержание 1400 рублей, вместо причитающихся 1200 рублей, кроме того, получил 1400 рублей за август месяц 1941 года, тогда как на эту сумму был выдан аттестат его семье. Всего полковник Курсаков незаконно получил 2553 рубля. Бывший командир 4-го запасного кавалерийского полка, генерал-майор Рудчук, с октября 1941 г. по январь 1942 г. незаконно получал денежное содержание в 1600 рублей, вместо причитающихся 1200 рублей, переполучив таким образом 1600 рублей»²².

20 Слуцкий Б.А. *О других и о себе*. М., 2005. С. 18–19.

21 *Скрытая правда войны: 1941 год. Незвестные документы*. М., 1992. С. 292.

22 *Русский архив: Великая Отечественная. Приказы Народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 г. – 1942 г.* Т. 13 (2–2). М., 1997. С. 181–184.

Все эти явления, однако, можно отнести к «верхушечным», «тыловым», не окопным, где господствовала иная экономическая реальность. Трудно сказать, как обстояло дело в отношении к денежному содержанию командного состава, а вот офицерский дополнительный паек, по свидетельству поэта-фронтовика Бориса Слуцкого, «вызывал реальную зависть у солдат»²³. Если фронтовая мена по принципу «махнем не глядя», воспеваемая в песне (1967) на стихи военного корреспондента Михаила Матусовского, относилась скорее к разряду развлечений, то в других обстоятельствах она приобретала характер торговой сделки. Товарообмен проникал и на передовую. «В окопах шла оживленная меновая торговлишка! – вспоминает Борис Слуцкий. – Табак на сухари, порция водки на две порции сахара. Прокуратура тщетно боролась с меной»²⁴. Владимир Гельфанд в записи от 16 июня 1942 года описывает, как, лишившись чернил, пытался достать их путем обмена. Когда санинструктор предложил ему уступить пачку табака за сухари, сахар и прочее, он согласился только на чернила²⁵. Б.Г. Комский в дневниковой записи за 14 августа 1943 года упоминает, как переведенный в госпиталь для легкораненых с «неважной кормежкой» отдал старшей сестре часы за сало, консервы и хлеб²⁶.

МИХАИЛ НИКОЛАЕВ

ДЕНЬГИ И ВОЙНА: ЭКОНОМИКА ПОВСЕДНЕВНОСТИ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

* * *

В жизни тыла деньги играли большую роль, чем на фронте, а военная обстановка самым прямым образом сказывалась как на ценах, так и на отношении к деньгам в целом. При приближении наступающего противника гражданское население понимало, что судьба денег весьма призрачна. Сержант Д. Левинский, отступавший в августе 1941 года со своей частью от Одессы к Южному Бугу, вспоминал, как в одном из сел он хотел купить у хозяйки продукты («деньги оставались почти у всех – тратить было не на что»), на что услышал: «На что они мне? Завтра здесь будут немцы»²⁷. А.С. Малофеев вспоминает, как, когда еще шли бои на острове Эзель 18 сентября 1941 года, в столовых города Куресааре советских денег уже не брали²⁸.

Недоверие к деньгам и снижению их значения вызывалось не только конъюнктурными обстоятельствами. Так, в глубоко-

23 Слуцкий Б.А. Указ. соч. С. 16.

24 Там же.

25 Гельфанд В.Н. *Дневник 1941–1946*. / Ответ. ред. и вступ. ст. О.В. Будницкий. М., 2016. С. 73.

26 Комский Б.Г. *Дневник 1943–1945 гг.* // *Архив еврейской истории*. М., 2011. Т. 6. С. 30.

27 Левинский Д. *Мы из сорок первого... Воспоминания*. М., 2005. С. 98.

28 Малофеев А.С. *Воспоминания морского артиллериста, узника концлагерей и французского партизана. Май 1941 г. – февраль 1945 г.* // *Беглецы из плена. Воспоминания танкиста и морского артиллериста*. М., 2010. С. 218.

ком тылу действовали долговременные факторы, укорененные в сложившейся неравной системе распределения. Историк Игорь Орлов приходит к следующим выводам:

«Если перед войной закрытыми видами распределения был охвачен самый верхний слой региональной номенклатуры, то начало войны поставило в чрезвычайно выгодные условия руководящих работников всех уровней. Ведь в это время реальный жизненный уровень определялся не размером зарплаты, а нормой снабжения по карточкам. Официально статус руководящих работников в распределительных отношениях был установлен постановлением СНК СССР 12 июля 1943 года. Но и до этого руководящие работники снабжались по особым нормам согласно решениям местных органов и ведомств: второе горячее питание, обеды для руководящих работников по постановлению СНК СССР от 17 сентября 1942 г., литературные обеды “А”, “Б” и “В”, сухие пайки по постановлению СНК СССР от 27 февраля 1943 г., усиленное диетическое питание, карточки на ужины и пр. Еще более привилегированным было снабжение руководящих работников промышленными товарами. [...]

Значительная часть нормированных товаров уходила в сферу теневого перераспределения. Анализ архивных материалов показывает, что теневое перераспределение играло даже большую роль, чем официальные льготы. Здесь в наиболее предпочтительном положении находились руководящие кадры торговли и общепита, руководители предприятий, имевших подсобные хозяйства, и те, кто имел отношение к остродефицитным товарам. Широкую практику получило прикрепление номенклатурных работников и членов их семей к столовым, предназначенным для других слоев населения, нередко сразу к нескольким одновременно. Был распространен также отпуск товаров и продуктов без карточек – по запискам»²⁹.

Британский политик и теоретик марксизма Тони Клифф пишет:

«Разделение русского общества на привилегированных и парий нашло яркое отражение в карточной системе, существовавшей в годы войны. Была введена дифференцированная карточная система, чего никто не осмелился бы предложить в демократических странах капиталистического Запада»³⁰.

Вот одна из иллюстраций сложившейся системы. В дневниковой записи инженера-теплотехника горьковского завода «Красная Этна» И.А. Харкевича от 15 апреля 1942 года читаем:

«Характерная особенность бросается в глаза на нашем совещании: за столом сидит замнаркома – тучный [обрюзгший], хотя и сравнительно молодой, с 2-мя орденами, рядом упитанный директор

29 Орлов И.Б. *Карточное снабжение в 1941–1943 гг.: расчеты и просчеты* // Современные проблемы сервиса и туризма. 2010. № 3. С. 40–41.

30 Клифф Т. *Государственный капитализм в России*. Л., 1991. С. 64.

завода (Романов), главный инженер неплохой упитанности, секретарь парткома (Новиков), розовый как поросенок, и совсем упитанный секретарь обкома по промышленности (Кочетков), а напротив, через стол – руководители цехов и отделов: бледные, с обтянутыми скулами и провалившимися глазами. Весь народ сильно сдал телом. Трудно и очень трудно, особенно для некоторых рабочих. Питание очень и очень слабое. Лапша “домашняя” с водой без признака жиров и овощей и хлеб. Но с тем, что творится в осажденном Ленинграде, находимся в лучших условиях. Конечно, из тех же продуктов с добавлением только лука можно значительно улучшить питание, но общественное питание и не работало хорошо, откровенно работало и будет так же плохо работать и дальше. Все построено на отсутствии заботы, заинтересованности в том, чтоб улучшить, на самоснабжении... и вопиющем нарыве на теле СССР – “блате”. Слаба наша экономическая система была до войны, а к войне и вовсе не приспособлена. Старая [...] царская Россия четыре года воевала, а экономика в стране держалась сносно, в смысле обеспечения населения продовольствием, и условия тогда не идут ни в какое сравнение с тяжелыми теперешними, даже если для сравнения взять конец [19]16-го. В чем же дело? Где причины?»³¹

МИХАИЛ НИКОЛАЕВ

ДЕНЬГИ И ВОЙНА: ЭКОНОМИКА ПОВСЕДНЕВНОСТИ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В Ленинграде Ольга Фрейденберг обобщает свои блокадные впечатления:

«Появилось – что хуже всего в осажденном городе – неравенство в еде. Верхние ели прекрасно, без карточек (называлось “без выреза талонов”). Для них существовали особые закрытые столовые и магазины. Они не страдали ни истощением, ни цингой. Отлично ели чекисты»³².

Старший мастер ленинградского завода «Двигатель» В.В. Фокин 12 декабря 1942 года записывает:

«11-го числа с[его] м[есяца] на заводе был вечер, посвященный вручению орденов и медалей нашим работникам, куда был приглашен и я. Всего было приглашено человек 50. Но вот когда кончилась торжественная часть и время пришло садиться за стол, то нас попросили очистить помещение, а начальники, которые и так сыты, сели за стол обжираться»³³.

Сотрудница Госбанка СССР Н.Н. Шабанова отмечает:

«В правлении Госбанка на Неглинной, 12, на первом этаже была большая столовая, которая до войны делилась на три “класса”: 1-й – для высокого начальства, 2-й – для среднего и 3-й для всего рядового состава сотрудников. До войны там неплохо кормили,

31 «Весь народ сильно сдал телом»: война и советский тыл глазами инженера И.А. Харкевича // Российская история. 2009. № 6. С. 60.

32 ФРЕЙДЕНБЕРГ О.М. *Осада человека* // Минувшее: исторический альманах. Выпуск 3. М., 1991. С. 33–34.

33 Цит. по: <https://biography.wikireading.ru/hzve9NbS5r>; дневниковые записи Фокина вошли в издание: Лихачев Д.С. *В блокадном Ленинграде*. М., 2017.

был и хороший буфет. Теперь все было иначе. Высшее начальство кормилось совсем отдельно, мы их не видели»³⁴.

* * *

Денежные потоки, о чем говорилось выше, шли практически в одном направлении: от фронта в тыл. В свидетельствах современников-горожан фиксируются прежде всего продовольственные и промтоварные трудности, изнурительные очереди, рост цен на «вольном» рынке. Так, московский краевед П.Н. Миллер в дневниковой записи от 28 ноября 1941 года воспринимает рост цен на рынках как «показатель упадка веры в деньги»³⁵. «Кому сейчас нужны деньги? Что и где на них можно купить?» – задается 8 января 1942 года вопросом московский журналист Н.К. Вержбицкий³⁶. Схожим образом рассуждает и писатель Всеволод Иванов, упоминая в дневниковой записи от 14 декабря 1942 года, как пытался помочь бывшей супруге: «Я оставил денег побольше, да что купишь на эти деньги?!»³⁷.

Расцвела подпольная торговля. Столичный мемуарист рисует картину приезда спекулянтов, занимавшихся торговыми операциями вблизи Павелецкого вокзала осенью 1942 года:

«Против вокзала на пустырях группы людей, покупающих у приехавших с поездом спекулянтов. Идет продажа на деньги и в обмен на хлеб, вино, белье и т.п. [...] На бульварной скамье три человека типа “мешочников” ведут “деловой” разговор: оказывается, что в 25 км в сторону от Барыбина по Павелецкой ж.д. [один из них] обменял на детские соски по 3 кг пшеницы за штуку и сейчас едет опять, достал 40 штук еще. Далее, на ст. Михнево много махорки, луку и муки, а за Каширой спрашивают гвозди и дают за кило 4 кило ржи»³⁸.

Е.Г. Егорова, описывая начало войны в Сталинграде, отмечала:

«Магазины пустели ежеминутно... Довольствовались с базару кто как мог, меняли на продукты натурой, деньги обесценились, на базар надо было идти с отрезами, водкою, новой обувью, костюмом и пальто и т.д.»³⁹.

34 Шабанова Н.Н. *Воспоминания о себе, о времени, в котором жила*. СПб., 2009. С. 115.

35 Из дневника Ученого секретаря Комиссии по изучению истории Москвы П.Н. Миллера // *Москва прифронтовая. 1941–1942. Архивные документы и материалы*. М., 2001, 2006. С. 364.

36 Из дневниковых записей журналиста Н.К. Вержбицкого // *Москва военная. 1941–1945. Мемуары и архивные документы*. М., 1995. С. 499.

37 Иванов В. *Дневники*. М., 2001. С. 220.

38 *Записки москвича. Осень 1942* // Исторический архив. 1993. № 2. С. 53, 55.

39 Егорова Е.Г. *Воспоминания об оккупации: Сталинград и Белая Калитва (1926–1946 гг.)* // «Нам запретили белый свет...». Альманах дневников и воспоминаний военных и послевоенных лет / Сост. П. Полян, Н. Поболь. М., 2006. С. 127.

Кажется, даже Сталин за годы войны осознал проблему. Замнаркома внутренних дел СССР Иван Серов описывает организацию поездки Сталина в прифронтовую полосу 2–4 августа 1943 года, где тот провел встречу с командованием Западного и Калининского фронтов. Для него в поселке Хорошево под Ржевом была освобождена одна из крестьянских изб. Перед отъездом Сталин поинтересовался, как Серов отблагодарит хозяйку за постой. Тот ответил, что даст 100 рублей. «Мало этого», – возразил Сталин, и попросил оставить ей продукты, мясо и фрукты. Несмотря на свидетельство Серова о том, что хозяйка не хотела никого пускать в избу, не зная, естественно, для кого она предназначалась, Сталин, как сообщает мемуарист, щедро попросил одарить ее и вином, если осталось⁴⁰.

Городское население, как и в годы гражданской войны, вынуждено было прибегать к поездкам в сельские районы для обмена носильных вещей на продукты. Наталья Этингоф, эвакуированная в июле 1941 года вместе с другими членами семей преподавателей Военно-воздушной академии имени Жуковского в Свердловск, вспоминала, как «уже к началу зимы исчезли в магазинах продукты, по карточкам стали выдавать один яичный порошок, и то не каждый месяц, на рынке за деньги никто не желал продавать товар – только в обмен на хлеб или водку». Так обстоятельства подтолкнули к занятию «торговым промыслом». В одном из рассказов она описала свою поездку в глубинку, в ходе которой женскую одежду и комсоставское белье им с напарницей удалось поменять на картошку и горох. Ночлег же в ожидании ближайшего поезда обошелся им в два куска мыла⁴¹. «Когда я выезжала в командировки в районы, – вспоминает эвакуированная в Уфу сотрудница Госбанка СССР Н.Н. Шабанова, – то удавалось менять носильные вещи на продукты питания»⁴². Ада Сванидзе вспоминает о походах с матерью по окрестным мордовским деревням Челябинской области, продолжавшихся до тех пор, пока у эвакуированных не иссякли вещи, годные для обмена, а у селян не осталось лишь необходимых им самим запасов:

«Не забуду, как молодуха в одной избе, высунув из погреба румяное, круглое лицо, сказала, что у них теперь все есть и она бы купила только шелковую белую шаль, большую, с кистями, “как у бабынь”, и “пианину”. Мы поняли, что дальнейшие походы уже не состоятся»⁴³.

40 Серов И. А. *Записки из чемодана. Тайные дневники первого председателя КГБ, найденные через 25 лет после его смерти*. М., 2016. С. 180.

41 Этингоф Н. Б. *Портреты сухой кистью*. Иерусалим, 2000. С. 229–238.

42 ШАБАНОВА Н. Н. *Указ. соч.* С. 125.

43 СВАНИДЗЕ А. А. *Мои коммунальные квартиры и не только*. М., 2019. С. 123.

Ленинградский художник Иван Владимиров, очевидно, со слов дочери и невестки, отправившихся 28 ноября 1941 года в пригородные села для товарообмена, пишет, что они «всюду натыкались на грубый ответ: “Проходите дальше, надоели!” На многих дверях висели бумажки с безграмотной надписью: “Здесь никаких обменов не производятся!”»⁴⁴.

Наряду с импровизированными торговыми площадками традиционным местом купли-продажи оставались городские рынки. Вернувшаяся из эвакуации в Москву мать Ады Сванидзе, понимая бессмысленность пересылки оставшимся в Челябинске членам семьи денег, использовала возможность покупки без карточек в магазине «Военторга» дефицитных и малогабаритных товаров, посылая их с оказией. Это были кремни для зажигалок, швейные иголки, крем для лица и сумки-«авоськи»⁴⁵. Поставки составляли обменный фонд.

Торговыми площадками становились и железнодорожные станции, что нашло отражение в художественной литературе. Например, в рассказе Александра Солженицына «Случай на станции Кочетовка» одна из героинь так характеризовала эвакуированных, эшелон с которыми остановился на железнодорожных путях (пассажиры, пользуясь остановкой, пытались обменять носильные вещи на еду):

«Они отрезывают, кустомы везут, мыло везут – прям как на ярмарку и снаряжались. Там такие мордатые еду-у-уть! [...] У кого даже, люди видели, сотенные прямо пачками перевязаны, и пачек полон чемодан. Банк, что ль, забрали? Только деньги нам не нужны, везите дальше»⁴⁶.

Возрождение известного еще со времен гражданской войны «мешочничества» весьма показательно. Историк-краевед Михаил Смирнов, с августа живший в подмосковной Малаховке, записывает 17 марта 1942 года: «В полном разгаре мешочничество, как это мы переживали в 1918–19 гг. Но тогда было легче: у нас были вещи и в деревне были зажиточные»⁴⁷. «Возродились 1918–1919 годы с их спекулянтами и черными биржами», – записывает другой летописец военной Москвы⁴⁸.

Характерно, что на сторону спекулянтов против представителей власти часто становилось население, очевидно, понимая, что государство способно только запрещать, а государственная торговля с ее очередями, отсутствием товаров даже по карточ-

⁴⁴ Владимиров И.А. *«Памятка о Великой Отечественной войне». Блокадные заметки 1941–1944 гг.* СПб., 2009. С. 65.

⁴⁵ Сванидзе А.А. *Указ. соч.* С. 136.

⁴⁶ Солженицын А. *Один день Ивана Денисовича: рассказы.* СПб., 2016. С. 207.

⁴⁷ Смирнов Я.Е. *Московский дневник М.И. Смирнова периода Великой Отечественной войны // Археографический ежегодник за 1997 год.* М., 1997. С. 329.

⁴⁸ *Записки москвича. Осень 1942.* С. 53.

кам, не говоря уже о качестве продукции, большой приязни к себе не испытывала.

В сводке донесений местных органов НКВД о преступлениях, совершенных военнослужащими за июнь–июль 1944 года, направленной министром внутренних дел СССР Лаврентием Берия руководству страны с грифом «совершенно секретно», в большом количестве фигурируют случаи, когда бойцы и командиры вставали на защиту «мешочников» и спекулянтов от действий милиции:

«12 июля на ст. Христиновка Одесской железной дороги на милиционера Овсянникова, снимавшего с поезда “мешочников”, напали 5 военнослужащих и избили его. Оборонись, Овсянников убил одного из нападавших, а остальные четверо были арестованы.

7 июля на ст. Дарница Юго-Западной железной дороги прибыл воинский эшелон № 42759. Толпа пьяных офицеров из эшелона напала на милиционеров, сопровождавших снятых с поездов “мешочников”, и распустила задержанных.

29 июня на ст. Славянск Южно-Донецкой железной дороги к работникам милиции, снимавшим с поезда “мешочников”, подошли 13 краснофлотцев, избили работников милиции и, угрожая оружием, стали возвращать “мешочникам” изъятые продукты. Один из краснофлотцев – Мельник – выстрелами из револьвера тяжело ранил в голову милиционера и ранил сержанта войск НКВД. Участники бесчинств задержаны. Мельник при задержании оказал вооруженное сопротивление и был убит работником военной комендатуры.

29 июня на ст. Красноармейская Южно-Донецкой железной дороги прибыл товарный поезд, в котором находились до 200 “мешочников”, [который] был обстрелян из автоматов группой краснофлотцев, ехавших в том же поезде. По прибытии поезда на ст. Авдеевка состав был оцеплен работниками оперативной группы. “Мешочники” и краснофлотцы оказали сопротивление, избили двух работников опергруппы. Бойцы войск НКВД и работники милиции были вынуждены применить оружие, в результате чего убито 3 и ранен 1 “мешочник”. Арестовано 6 “мешочников” и зачинщики бесчинств – краснофлотцы Косинов, Коршунов и Бондарев. Следствием установлено, что в пути краснофлотцы занимались грабежами, брали у “мешочников” деньги, продукты и самогон, обещая защищать их в пути от милиции.

15 июня через ст. Муратовка Московско-Киевской железной дороги следовало 60 “мешочников”, снятых с поездов на ст. Сухиничи. Группу сопровождал милиционер Рожкевич. К задержанным подошла группа военнослужащих из эшелонов №№ 42528 и 35326 и потребовала освободить “мешочников”, а взысканный с них штраф – вернуть. Получив отказ, военнослужащие избили Рожкевича, отняли у него документы и личные деньги.

14 июня на ст. Шевченко Одесской железной дороги милицией была снята с поезда группа “мешочников”, везших зернопродук-

МИХАИЛ НИКОЛАЕВ

ДЕНЬГИ И ВОЙНА: ЭКОНОМИКА ПОВСЕДНЕВНОСТИ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

ты и 11 голов скота на порожних платформах воинского эшелона № 101436, следовавшего с оборудованием, принадлежавшим 36 железнодорожной бригаде. Следовавший с эшелоном генерал-майор Павлов приказал подчиненным ему военным служащим погрузить “мешочников” обратно, а работников милиции принудил возвратить отобранные документы.

11 июня на ст. Барвенково Южно-Донецкой железной дороги группа офицеров 1254 запасного артполка – нач. штаба майор Довгаль, лейтенанты Стариков, Болякишев, ст. сержант Курганов – подошли к милиционеру, охранявшему снятых с поездов “мешочников”, и потребовали освободить их. Получив отказ, офицеры пытались избить милиционера. Прибывший на место начальник оперпункта под угрозой оружия был вынужден освободить “мешочников”. Эта же группа офицеров, узнав, что на 8 мешков зерна, принадлежавшего спекулянтам, наложен арест, избивала милиционера и, угрожая расстрелом, принудила вернуть зерно»⁴⁹.

Помимо денег, ценность представляли не только продуктовые и промтоварные карточки и их отдельные привилегированные категории, но и сама возможность отоваривания, в том числе и с минимальной тратой времени. Стояние в бесконечных очередях не осталось не отмеченным современниками:

«С 4 час. ночи стоял за хлебом. Получил его в 9 час... Очереди, очереди без конца, без края: крикливые, нервные, драчливые, мучительные... В очередях драки, душат старух, давят в магазинах, бандитствует молодежь, а милиционеры по 2–4 слоняются по тротуарам и покуривают. “Нет инструкций”. [...] Около магазинов “Вина, коньяки, ликеры” – давка. Здесь продают различное вино. Дрянь. В Черкизове в “Главспирте” продавали водку. Задавили на смерть двух стариков» (18 октября 1941 года)⁵⁰.

«Начали продавать водку. Сегодня около нашего магазина стояла за водкой очередь в 500 человек. Стояла 8 часов. Привезли. Из очереди получили 40 человек. Остальное расхватили военные без очереди» (11 января 1942 года)⁵¹.

«Безобразная постановка с получением продуктов вошла в быт задолго до войны. Госторговля удобна для фиска, слов нет. Безо всякого согласия законодательных органов кто-то повышает цены, т.е. взимаются дополнительные налоги. С этим люди мирятся. Но необычайно удручает всех безалаберщина и недисциплинированность постановки дела. Население измучено, страдает из-за его чудовищно дикой постановки. Все время уходит на стояние в очередях и рыскание по магазинам. Сколько непроизводительной затраты сил на самое элементарное дело» (18 декабря 1941 года)⁵².

49 Советская повседневность и массовое сознание. 1939–1945 / Сост. А.Я. Лившин, И.Б. Орлов. М., 2003. С. 384–387.

50 Из дневниковых записей журналиста Н.К. Вержбицкого. С. 478.

51 Там же. С. 499.

52 Смирнов Я.Е. Указ. соч. С. 329.

«У меня цифры, сделанные чернильным карандашом на ладонях, на запястьях, на тыловой стороне ладони: 31, 62, 341, 5004... Это места, которые я занимал в разных очередях. Посмотришь, и у всех такие же “знаки антихриста”» (22 октября 1941 года)⁵³.

МИХАИЛ НИКОЛАЕВ

ДЕНЬГИ И ВОЙНА: ЭКОНОМИКА ПОВСЕДНЕВНОСТИ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

М.И. Смирнов в связи с продовольственными трудностями – и особым положением работников торговли – вспоминает поговорку «Не ищи брата, а ищи брата» (27 декабря 1941 года)⁵⁴. В целом, карточная система снабжения неизбежно ослабляла роль денег, а карточки превращались в товар и средство расчета, их стали подделывать, как раньше денежные знаки. Очевидцы указывали, что осенью 1942 года на Минаевском рынке «много продается промтоварных, хлебных и продовольственных карточек от 50 до 300 руб. в зависимости от количества талонов»⁵⁵. О покупке «чистых» продовольственных карточек на рынке Челябинска вспоминает и Ада Сванидзе. «Чистые» карточки потом вместе с «законными» пытались подсунуть работнику ЖЭКа, где на них ставились печати. По ее впечатлениям, «жульничали практически все, у кого в семье было четверо или более едоков и мало рабочих карточек»⁵⁶. Будущий востоковед Георгий Мирский вспоминает, как они с матерью, подобно многим москвичам, страдая от холодов, сначала обзавелись «буржуйкой», а потом решили поставить настоящую печь. Печнику пришлось платить продовольственными карточками и две недели жить, «не получая ни хлеба, ни сахара, ни “жиров”»⁵⁷. Рабочий Пермского авиационного завода А.И. Дмитриев описывает в дневнике от 4 мая 1944 года свои коммерческие операции: «“Толкучий рынок” перевели к нам на площадь, и я сейчас частенько там отираюсь. Комбинирую с хлебом. Беру талончики, а продаю хлеб. Кое-что от этого мне остается. А иначе сейчас не проживешь». В записи от 14 апреля изложены подробности: знакомая официантка из столовой помогала Дмитриеву отоваривать карточки, полученный хлеб продавался и на деньги приобретались новые карточки, при этом продавец оставался с прибылью, заработав около 170 рублей за полтора часа»⁵⁸.

Средством расчетов, как это случалось и в более поздние, благополучные времена, нередко являлась водка. Дочь репрессированного писателя Артема Веселого – Гайра, студентка истфака МГУ – вспоминала:

53 Из дневниковых записей журналиста Н.К. Вержбицкого. С. 481.

54 Смирнов Я.Е. Указ. соч. С. 329.

55 Записки москвича. Осень 1942. С. 56.

56 Сванидзе А.А. Указ. соч. С. 132.

57 Мирский Г.И. Жизнь в трех эпохах. М.; СПб., 2001. С. 36.

58 КАБАЦКОВ А.Н. Образы войны по дневникам А.И. Дмитриева 1942–1944 годов // Вестник Пермского университета. История. 2016. № 3(34). С. 123.

«Самыми голодными за всю войну были 1943-й и 1944 годы. Иногда по карточкам, кроме хлеба, сахара и немного жиров, месяцами ничего не выдавали. Отovarить карточки, то есть оплатив талоны, получить на них продукты, было не так просто. Очередь нужно было занимать часа за два до открытия магазина. Потом еще долго ждать, пока директор примет товар. Крик из мясного отдела: “Мяса привезли мало, отсчитайте человек сто, остальным не хватит”. [...] Большим подспорьем нашему бюджету были месяцы, когда объявлялась продажа водки на особый номерной талон в продовольственных карточках».

На Арбатском рынке талон на водку можно было обменять на буханку черного хлеба. Однажды, замешкавшись с операцией «талон–деньги–хлеб», Гайра с сестрой пошли продавать не талон, а саму водку, переуступив ее молодому лейтенанту, для совершения сделки с которым пришлось предусмотрительно зайти в подъезд дома⁵⁹. В воспоминаниях Н.Н. Шабановой, оказавшейся в эвакуации в Уфе, есть похожие наблюдения:

«Важным средством платежа в годы войны служила бутылка водки. За водку можно было достать дрова, картошку, расплатиться за какую-нибудь работу или услугу. Водку давали по карточкам раз в месяц, но далеко не всем. [...]

Продавала водку на рынке обычно я. Однажды произошла у меня при этом большая неприятность. Когда я вытащила из сумки пол-литровую бутылку, меня окружили несколько мужчин. Один из них стал кричать на меня, что водка у меня фальшивая, другие ему поддакивали, возник шум, скандал, который закончился тем, что бутылку вырвали у меня из рук и больно пнули кулаком в спину с криком: “Уходи, покуда цела!”. Никто не заступился, милиции не было».

После этого случая муж Шабановой – крупный научный работник, который, собственно, и получал карточку на водку, – одну продавать ее уже не отпускал⁶⁰.

Ада Сванидзе, чей отец имел доступ к питьевому спирту, предназначенному для протирки станков, вспоминает, как тот, угощаясь им на работе, дважды приносил драгоценный продукт в дом в двухлитровых бидонах. В семье разводили спирт до 38–40 градусов, разливали в стеклянную тару и «раз в неделю (чтобы не мозолить глаза милиции) утилизировали каждую бутылочку на рынке»⁶¹. Писатель Всеволод Иванов пишет о своей бывшей жене в дневниковой записи от 23 января 1943 года: «она существовала на водку, которую выдавали в Союзе [писателей], – уж чего эфемерней! – а теперь водки не выдают и она

⁵⁹ Веселая Г.А. *По бездорожью XX века. Семейные истории*. М., 2017. С. 363–365.

⁶⁰ Шабанова Н.Н. *Указ. соч.* С. 125–126.

⁶¹ Сванидзе А.А. *Указ. соч.* С. 131.

бедствует»⁶². Врач московской скорой помощи Н.К. Веселовская – племянница историка Степана Веселовского, – вспоминая о жизни в квартире без отопления, пишет о приобретении печки-буржуйки и обмене водки на дрова для нее. «На следующий год пригнали уже целый грузовик бревен – опять же за водку и табак»⁶³. Иван Владимиров упоминает о периоде после 17 октября 1941 года:

«На базарах и рынках нет никакой продажи – колхозники приносят мешочки с картошкой, с морковью, капустой, но они свой “товар” не продают ни за какие деньги, а только предлагают менять на хлеб, сахар, селедки, постное масло и самое желательное и выгодное – на водку... а добыть водку очень трудно – купить дорого – сто рублей за пол-литра»⁶⁴.

Драматург Александр Гладков в дневниковой записи от 26 января 1943 года упоминает починку пишущей машинки за водку⁶⁵, а в записях от 21-го и 22 марта 1942 года описывает, как ему удалось попасть в поезд, следующий из Казани в Свердловск (купленные накануне билеты ничего не гарантировали):

«Сели мы еле-еле. Придя на вокзал к 7 часам, ждали поезда до 11 часов. Мороз. Почти замерзли. При посадке драка. Меня осеняет. Идем к запертой двери, и стучу. За стеклом чье-то лицо. Я вытаскиваю из кармана заранее приготовленную бутылку водки и приближаю ее к стеклу. И – о чудо! – нам отпирают дверь. Дверь нам указал носильщик, тоже за порядочную мзду. Вагон уже набит командировочными, эвакуированными, мешочниками, но для двух человек место находится»⁶⁶.

Спустя десятилетия писатель Вячеслав Кондратьев, описавший в своей повести «Отпуск по ранению» (1980) военную Москву, рисует сцену, в которой главный герой вступает в диалог с женщинами, стоящими в очереди за водкой, «выброшенной» в продажу без талонов: «Мы стоим-то, думаете, чтоб выпить? Нет. Ну, мужики, те, конечно, в себя вольют, а мы, женщины, только посмотрим – и на рынок». Инвалид, отстоявший в той же очереди, где действовала норма не более двух бутылок в одни руки, поделился своим способом выживания:

«Бутылку одну я, конечно, употребляю, а вторую – на базар, как те бабоньки, что в очереди стояли. За пятьсот, может, и не продам, долго стоять надо, а за четыреста верняком... Вот на них-то тебе

МИХАИЛ НИКОЛАЕВ

ДЕНЬГИ И ВОЙНА: ЭКОНОМИКА ПОВСЕДНЕВНОСТИ
В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

62 ИВАНОВ В. Указ. соч. С. 248.

63 ВЕСЕЛОВСКАЯ Н.К. *Записки выездного врача скорой помощи (1940–1953)*. М., 2016. С. 105–107.

64 ВЛАДИМИРОВ И.А. Указ. соч. С. 49–50; см. также записи от 8 ноября и 22 декабря 1941 года: С. 58, 79–80.

65 ГЛАДКОВ А.К. *Из дневниковых записей. 1941–1945 гг.* // *Музы в шинелях: советская интеллигенция в годы Великой Отечественной войны. Документы, тексты, воспоминания*. М., 2006. С. 229.

66 Там же. С. 212–213.

и килограмм картошечки, вот тебе немного маслица или сальца... Вот так, браток. Понял? Гадство – верно. А что делать? Водку без талонов, поди, каждый день где-нибудь, да дают. Я вот сейчас до Колхозной пешочком пройду, авось еще где дают, может, еще пару бутылок приобрету. Вот так, брат, пока и кручусь. Жрать-то надо»⁶⁷.

Фронтовой переводчик Ирина Дунаевская в дневниковой записи от 8 февраля 1943 года фиксирует: «Пока заняться нечем, разведчики дуются “в очко” на водку. К ним примкнули и свободные саперы»⁶⁸. Техник-лейтенант А. Ковалевский в дневниковой записи от 23 апреля 1944 года упоминает, как из-за нехватки денег пришлось добывать спиртное без их помощи: «Начали изыскивать другие средства, ну и, конечно, как всегда, нашли. Насажали в свою машину баб штук шесть. Провезти их нужно было километров 60–80. За эту услугу получаем с них контрибуцию – по пол-литра самогона с каждой»⁶⁹. Николай Иноземцев, не упускающий случая записать пикантные подробности фронтового быта, конспектирует в дневнике:

«9 февраля [1944] Малый Стайки. [...] Встреча с Ридным. Его разговор с регулировщицей в Краснопольске:

– Какого х... пришел – увещания о совести и солдатской, в частности, и эпилог:

– Скажи своим солдатам, что у меня спи... шинель. Кто найдет – получит пол-литра и 8 раз. Нравы военного времени»⁷⁰.

Денежным эквивалентом, помимо водки, хлеба, табака, могла служить и картошка. 26 марта 1942 года Н.К. Вержбицкий записывает:

«Ездил в Малаховку. Картошка у колхозников 50 руб. кг. – хорошая... и 20–25 руб. – мороженная, то есть слизь... Продается барахло, и все цены припоровлены к картошке. 1 кусок хозяйственного мыла – 2 кило, пара ботинок – 8 кило, штаны – 10 кило, пила – 5 кило, носовой платок – кило. За колхозными санями с картошкой очередь вьется змеей»⁷¹.

* * *

Большое количество свидетельств о меновой торговле и сопутствующих ей явлениях содержали дневники и воспоми-

⁶⁷ Кондратьев В.Л. *Отпуск по ранению: повести*. М., 2011. С. 173, 176–177.

⁶⁸ Дунаевская И. *Дневник военной переводчицы. Фрагменты* // Звезда. 2010. № 5 (<https://magazines.gorky.media/zvezda/2010/5/dnevnik-voennoj-perevodchicy.html>).

⁶⁹ Ковалевский А. «Нынче у нас передышка...». *Фронтовой дневник* // Нева. 1995. № 5. С. 75.

⁷⁰ Иноземцев Н.Н. *Указ. соч.* С. 140.

⁷¹ Из дневниковых записей журналиста Н.К. Вержбицкого. С. 502.

нения ленинградцев. Все, о чем было упомянуто выше, в блокадных условиях проявлялось еще явственнее, масштабнее и трагичнее. Петербургский исследователь Сергей Яров пишет:

«Говоря о денежном эквиваленте рыночных цен, надо обязательно отметить, что он во многом являлся условным. Главной расчетной единицей служила стограммовая порция хлеба – применительно к ней и “выстраивались” цены на все продукты и товары»⁷².

Свидетельства очевидцев это подтверждают:

«Деньги не имели... никакой стоимости. Раз на деньги нельзя было ничего купить, раз нигде не было решительно никакого товара, денег никто не хотел брать. Нельзя было купить никакой услуги, ни дров, ни керосина» (записки Ольги Фрейденберг, сделанные на основе дневниковых текстов зимы 1941–1942 годов)⁷³.

«Что же стоят наши деньги? Никто не хочет работать за деньги. Работают только за хлеб, за продукты» (из дневника директора архива Академии наук СССР в Ленинграде Георгия Князева от 5 декабря 1941 года)⁷⁴.

«Необыкновенно удачный день. Проходя мимо рынка, встретил какого-то военного со свертком, которому понравилась моя шапка. “Не хотите ли обменять на хлеб Вашу шапку, мне как раз нужна такая, как у Вас?” – обратился он ко мне. Я охотно согласился, и шапка была продана за буханку хлеба, весящую 1600 гр. В придачу я получил еще хороший завтрак, состоящий из тарелки кислой капусты, грамм 50-ти сливочного масла, граммов 500 хлеба и нескольких стаканов чая со сгущенным молоком. Домой возвратился в прекрасном настроении, хотя на мне вместо каракулевой шапки была одета потрепанная военная фуражка, которую я получил, чтобы дойти до дому не с голой головой» (из записей учителя А.И. Винокурова от 23 ноября 1942 года)⁷⁵.

«На улицах вывешено много объявлений, извещающих о продаже или обмене на продовольствие мебели, одежды, обуви и различных хозяйственных вещей. Некоторые объявления всех привели бы в изумление, если бы появились несколько месяцев тому назад. Наиболее интересные мною записаны:

- Меняю на хлеб пол-литра крепкого портвейна.
- Меняю хлебную иждивенческую карточку на дуранду.
- Делаю гробы из материала заказчика.
- Куплю дрова. Могу рассчитаться изготовлением искусственных зубов.
- Меняю на дрова тес, годный для гроба.
- Доставляю воду с соблюдением правил гигиены за умеренную плату хлебом или табаком.
- Меняю книги на дрова. [...]

72 Яров С.В. *Повседневная жизнь блокадного Ленинграда*. М., 2013. С. 49.

73 ФРЕЙДЕНБЕРГ О.М. *Указ. соч.* С. 14.

74 Князев Г.А. *Дни великих испытаний. Дневники 1941–1945*. СПб.: Наука, 2009. С. 338.

75 *Блокадный дневник учителя Винокурова А.И. // Блокадные дневники и документы*. СПб., 2004. С. 289.

МИХАИЛ НИКОЛАЕВ

ДЕНЬГИ И ВОЙНА: ЭКОНОМИКА ПОВСЕДНЕВНОСТИ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Характер многочисленных объявлений, вывешенных желающими продать или обменять свои вещи на продовольствие, почти не изменился, только большинство объявлений теперь начинаются словами “срочно”, “экстренно” или “дешево”» (из записей учителя А.И. Винокурова от 10-го и 15 января 1942 года)⁷⁶.

В.В. Кузнецов упоминает об объявлении, увиденном его знакомой в январе 1942 года на Среднем проспекте Васильевского острова: «Меняю на продукты сосновый гроб, не бывший в употреблении»⁷⁷. Е.Г. Городецкий 18 июня 1943 года записывает текст виденного им объявления о натуральной оплате услуг: «Бесплатно отдам пианино тому, кто поможет перенести домашние вещи с ул[ицы] 25 октября на Литейную»⁷⁸.

Предельно выразительны факсимильно воспроизведенные страницы из тетради, изъятой при аресте в марте 1942 года у А.А. Никитина, который собирал материалы, чтобы потом написать книгу о пережитом. Записи рубрицированы и содержат информацию с точной датировкой: «рыночные цены», «обмен вещей и продуктов», «моя продажа и обмен с 15.2.42 по 1.03.42»⁷⁹.

В семье будущего академика Дмитрия Лихачева правильно восприняли мудрый совет: прежде всего нести на продажу женские вещи. «Модные женские вещи, – вспоминает Лихачев, – единственное, что можно было обменять: продукты, были только у подавальщиц, продавщиц, поварих»⁸⁰. Об этой привилегированной категории другим наблюдателем замечено: «Какая-нибудь судомойка живет лучше инженера. Мало того, что она сама сыта, она еще скупает одежду и вещи. Сейчас поварской колпак имеет такое же магическое действие, как корона во время царизма»⁸¹. А.И. Винокурову, посетившему театральный спектакль, бросилось в глаза, что среди публики «военные, официантки из столовых, продавщицы продовольственных магазинов и т.п. люд, обеспеченный в эти ужасные дни не только куском хлеба, а и весьма многим»⁸². Наглядное социальное расслоение, обнаружившееся в театральном зале,

⁷⁶ Там же. С. 241, 248.

⁷⁷ Ленинградцы. Блокадные дневники из фондов Государственного мемориального музея обороны и блокады Ленинграда. СПб., 2014 (<https://corpus.prozhito.org/notes?date=%221943-01-01%22&diaries=%5B1432%5D>).

⁷⁸ Тихонов В.В., Климова Л.В., Городецкий Е.Н. *Записи фронтовых впечатлений о Ленинграде (июнь 1942, август 1943 гг.), Сталинграде (1943 г.) и Киеве (ноябрь 1943 г.)* // История и историки: историографический вестник. М., 2024. С. 377.

⁷⁹ Блокадные дневники и документы. СПб., 2004. С. 460–461.

⁸⁰ Лихачев Д.С. *Указ. соч.* С. 98–99.

⁸¹ Пянкевич В.Л. «Одни умирают с голоду, другие наживаются, отнимая у первых последние крохи»: участники рыночной торговли в блокадном Ленинграде // Социально-культурные аспекты истории экономики России XIX–XX вв. СПб., 2012. С. 161.

⁸² Блокадный дневник учителя Винокурова А.И. С. 231.

напомнило другой блокаднице времена НЭПа⁸³. Недовольство граждан злоупотреблениями в сфере продовольственного распределения отразили и сообщения Управления НКВД по Ленинградской области и Ленинграду⁸⁴. Меновой торговле также способствовали проявления административного усердия властей:

«Деньги в большой мере потеряли свойство универсального товара вследствие боязни торгующих оказаться “спекулянтами”. Дело в том, что меновая торговля не преследуется, а продажа по высоким ценам влечет большие неприятности. [...]»

Опубликовано постановление Горсовета о запрещении обмена продовольствия на рынках и улицах. Виновные в нарушении этого постановления будут привлекаться к ответственности и подвергаться тюремному заключению на несколько лет с конфискацией принадлежащего им имущества» (из записей учителя А.И. Винокурова от 4 января и 22 мая 1942 года)⁸⁵.

Гонения привели к тому, что к старым торговым точкам добавились новые – территории возле булочных. Впрочем, запреты сменялись послаблениями. Петербургский исследователь Сергей Яров приводит подборку воспоминаний горожан, свидетельствующих о вытеснении денежных расчетов меновой торговлей:

«Рынки обмена появились почти на каждой улице. По дороге встретил два».

«Город охватила меновая лихорадка: на первом месте водка, потом – хлеб, папиросы, масло, сахар».

«В “смертное время” признавались в качестве “валюты” только хлеб и папиросы».

«Сам я никогда не видел, чтобы продавали хлеб или вообще что-нибудь съестное. Только меняют».

«Ничего за деньги. Деньги совершенно не ценят».

«Это на деньги... такие бешеные, почти не достать, меняют только на хлеб».

83 Пянкевич В.Л. *«Одни умирают с голоду...»*. С. 160.

84 Там же. С. 162–163.

85 *Блокадный дневник учителя Винокурова А.И.* С. 239, 240. О запрете именно продавать, а не обмениваться упоминает 15 января 1942 года и музейный работник А.А. Черновский: Пянкевич В.Л. *Власть и рынок в блокадном Ленинграде* // Российская история. 2017. № 6. С. 58. Несколько свидетельств о разгоне городских властями рынков в период конца зимы – весны 1942 года см.: Там же. С. 58–59. Петербургский историк Владимир Пянкевич многие из своих публикаций посвятил рыночным отношениям в блокадном городе, отметим лишь основные: Он же. *Рынок блокадного Ленинграда* // *Жизнь и быт блокированного Ленинграда: сборник научных статей*. СПб., 2010. С. 122–163; Он же. *«Одни умирают с голоду, другие наживаются, отнимая у первых последние крохи»: участники рыночной торговли в блокадном Ленинграде* // *Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета*. 2012. № 9. С. 155–183; Он же. *Власть и рынок в блокадном Ленинграде*. С. 52–66; Он же. *Выбор блокадного человека* // *Блокада глазами очевидцев. Дневники и воспоминания. Книга шестая*. СПб., 2019. С. 7–22; Он же. *По разные стороны прилавка. Продавцы и покупатели блокадного Ленинграда* // Вестник Пермского университета. История. 2024. № 1(64). С. 148–157.

МИХАИЛ НИКОЛАЕВ

ДЕНЬГИ И ВОЙНА: ЭКОНОМИКА ПОВСЕДНЕВНОСТИ
В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

«На деньги продают мало».

«Знаю только один случай, когда продукты были проданы за деньги».

«На деньги на рынке ничего не купить»⁸⁶.

Касаясь утверждений о высоких ценах, Яров пишет:

«Наиболее жестко по этому поводу высказался Владимир Григорьевич Даев... Легенды о баснословных ценах на ленинградских блокадных рынках – вымысел беллетристов или факты, относящиеся к последующим периодам войны. А до того денег не было видно на рынках вообще, менялся товар на товар»⁸⁷.

Правда, Яров упоминает и об имевших место денежных и «смешанных» сделках:

«Продукты и товары обменивались “в придачу” с определенной (чаще всего небольшой) денежной суммой. Деньгами, как правило, расплачивались лишь при мелких покупках – спичек (7–12 рублей за коробок), открыток (несколько рублей), а в 1942–1943 годах за мизерные порции овощей – пучков редиски, 100–200 граммов салата»⁸⁸.

Характерный факт для понимания соотношения ценностных категорий приводит будущий академик Исаак Минц в своей дневниковой записи от 3 января 1942 года, передавая слышанное им от писателя Берштадского:

«На один из ленинградских аэродромов прибыл грузовой самолет. Быстро вытащили мешки с мукой. Моментально у мешков стал караул. Через полчаса прибыл другой самолет. С него стали сбрасывать какие-то бумаги. Никакого караула у выброшенных вещей не поставили. Летчика спросили, что за вещи. Он пренебрежительно махнул рукой: это – деньги»⁸⁹.

Но, выявляя господствующую тенденцию, следует избегать излишней категоричности. Упоминания о ценах в рублях и покупках за деньги наряду с меновой торговлей можно встретить в дневниках А.И. Винокурова, В.В. Фокина, И.А. Владимирова, В.П. Розина и многих других. Последний в записи от 1 января 1942 года после перечисления цен на хлеб и папиросы в рублях пишет о своего рода дифференциации доступности товаров: «Сахар, конфеты, масло – меняются только на хлеб»⁹⁰. В ходе проведенного в 1998–2000 годах анкетирова-

86 Яров С.В. Указ. соч. С. 49, 52.

87 Там же. С. 49.

88 Там же.

89 «Из памяти выплыли воспоминания...». Дневниковые записи, путевые заметки, мемуары академика АН СССР И.И. Минца. М., 2007. С. 51.

90 Цит. по: <https://biography.wikireading.ru/hzve9NbS5r>; дневниковые записи Розина опубликованы в: Лихачев Д.С. Указ. соч.

ния блокадников 61,4% респондентов сообщили, что их семьи меняли вещи на еду⁹¹.

Не будем забывать и про систему карточного распределения. Ценой продуктовых карточек в осажденном городе была человеческая жизнь. Ради получения очередных карточек близкие могли какое-то время хранить в тайне смерть своих родных и держать их трупы дома, не регистрируя и не захоранивая. Голод убивал привычную мораль. Г.А. Князев отмечает в дневниковой записи от 16 января 1942 года:

«Иногда еще человек не умер, но уже поджидают и рассчитывают, долго ли можно пользоваться будет его карточками. Очень невыгодно, если родственник или свойственник умрет в конце месяца. И как хорошо, если в самом начале!»⁹²

Городские власти осознавали масштабы проблемы. Дмитрий Павлов – уполномоченный ГКО по обеспечению продовольствием Ленинграда и Ленинградского фронта – приводит в своих воспоминаниях подробности, связанные с принятием Ленгорисполкомом 10 октября 1941 года решения провести перерегистрацию выданных карточек на текущий месяц «в целях пресечения злоупотреблений... и недопущения получения продовольственных товаров по возможным фальшивым карточкам»⁹³. В декабре последовали новые жесткие меры. По поручению Жданова районные карточные бюро предоставили информацию о количестве обращений по поводу утери карточек: «Выяснилось, что в октябре было выдано 4800, в ноябре – 13 тыс., а в декабре – 24 тыс. карточек взамен утерянных. Расход продовольствия на какое-то время был двойной»⁹⁴. Карточки не только «теряли», но и подделывали, в том числе и рабочие типографии, где они изготовлялись⁹⁵.

* * *

Похожие явления наблюдались и на оккупированной территории. Александр Даллин в работе «German Rule in Russia, 1941–1945: A Study of Occupation Policies» (1957) отмечал:

«За исключением Прибалтики, наличные деньги не имели в жизни людей большого значения. Опасаясь обесценивания новых оккупационных денежных знаков, население предпочитало деньгам

91 Пянкевич В.Л. *Власть и рынок в блокадном Ленинграде*. С. 55.

92 Князев Г.А. *Указ. соч.* С. 405.

93 Павлов Д.В. *Стойкость*. М., 1983. С. 76–78.

94 Там же. С. 113–114.

95 Гаврилова О.А., Ходяков М.В. *Изготовление продовольственных карточек в блокадном Ленинграде. 1941–1943 гг.* // Новейшая история России. 2016. № 2(16). С. 58.

МИХАИЛ НИКОЛАЕВ

ДЕНЬГИ И ВОЙНА: ЭКОНОМИКА ПОВСЕДНЕВНОСТИ
В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

осязаемые товары. Из-за низкой покупательной способности и ограниченного предложения товаров большинство торговых сделок заключалось в форме бартера»⁹⁶.

С ним солидаризировался и российский исследователь Борис Ковалев, когда писал о «самом широком размахе», который приобрел на оккупированных территориях бартер: «натуральный обмен продуктов и предметов первой необходимости»⁹⁷. А вот свидетельства очевидцев. А.П. Яворский вспоминал, как десятилетним мальчиком зимой 1942 года сопровождал из Таганрога в одно из окрестных сел мать, скопившую «обменный фонд» из отреза ситца, бус, мази для рук, спичек, гвоздей, ниток. Однако почти все из полученного в обмен (ведро картошки, пшено, кусок сала) было конфисковано у них румынскими солдатами⁹⁸. Киевлянка Нина Герасимова 22 октября 1941 года записывает: «Жизнь в городе не налажена, продуктов нет никаких, на базаре за деньги ничего нельзя достать, все на обмен». Немецкое командование и местная власть пытались с этим явлением бороться: другая киевлянка, И.А. Хорошунова, записывает 25 июня 1942 года в дневнике:

«На обмен ходить в села теперь нельзя. Если раньше украинская полиция трясла мешочников, то теперь немцы расправляются своими методами с обменщиками. Останавливают идущих в село и из села. В первом случае на кострах сжигают вещи, которые несут на обмен. Во втором случае забирают все дочиста, все продукты, арестовывают, избивают людей, разбивают в щепки самодельные тачки»⁹⁹.

Олимпиада Полякова в «Дневнике коллаборантки», вышедшем после войны на Западе под псевдонимом Лидия Осипова, в записи от 12 ноября 1941 года так говорит о продовольственной ситуации в оккупированном Пушкине:

«Голод принял уже размеры настоящего бедствия. На весь город имеются только два спекулянта, которым разрешено ездить в тыл за продуктами. Они потом эти продукты меняют на вещи. За деньги ничего купить нельзя. Да и деньги все исчезли. Цены соответственные: хлеб расценивается по 800–1000 р. за килограмм, меховое новое пальто 4000–5000 рублей. Каракулевого или котикового. Совершенно сказочные богатства наживают себе повара при немецких частях»¹⁰⁰.

96 Цит. по: Даллин А. *Захваченные территории СССР под контролем нацистов. Оккупационная политика Третьего рейха 1941–1945*. М., 2019. С. 227–229.

97 Ковалев Б.Н. *Нацистская оккупация и коллаборационизм в России. 1941–1944*. М., 2004. С. 131.

98 Яворский А. *Оккупация Таганрога – глазами мальчишки (письмо в «Известия») // «Нам запретили белый свет...»*. С. 120.

99 Цит. по: www.judaica.kiev.ua/old/Egupez.htm.

100 Осипова Л.Т. *Дневник коллаборантки // «Свершилось. Пришли немцы!» Идеинный коллаборационизм в СССР в период Великой Отечественной войны* / Сост. и отв.ред. О.В. Будницкий. М., 2014. С. 94.

Про «подпольный» товарообмен в оккупированном Полоцке пишет П.Д. Ильинский:

«Продукция местной промышленности для русского, то есть гражданского, населения, главным образом для рабочих и служащих, отпускалась по очень низким, “твердым” ценам в незначительном, строго регламентированном количестве. Но за взятки или при содействии подарков – кур, масла или яиц – каждый мог получить почти все и в достаточном количестве. Лица, работавшие на тех или иных предприятиях местной промышленности, а таких в городе было чуть ли не большинство, имели возможность нелегально или полулегально получать очень многое с других каких-либо предприятий местной промышленности, так сказать, “в порядке обмена” или, вернее, незаконной взаимной любезности. Всякое начальство смотрело на это сквозь пальцы»¹⁰¹.

Подробные свидетельства о периоде немецкой оккупации Таганрога оставил Николай Саенко, также отметивший попытку регулирования цен. В его записях по дням прослежен переход к денежной торговле, которой предшествовал товарообмен. С 25-го по 29 октября он последовательно отмечает:

«На базаре начинают появляться продукты, но на обмен вещей. [...] Воскресенье, на базаре люди толпятся, происходит обмен товара на продукты, за деньги ничего не продается. [...] На базаре начинается торговля на деньги, но многие делают товарообмен. [...] На базаре началась торговля за деньги, но цены невероятные»¹⁰².

Однако денежные расчеты товарообмен окончательно не вытесняют, и в записи от 18 января 1942 года можно прочитать: «Ходил на базар, выменял за 5 штук селедок пачку махорки, а за пачку махорки выменял 2 кг мяса конины. Купил два кормовых бурака за 30 рублей, мерзлые»¹⁰³.

Вспомним и о сельских жителях. Один из ярких примеров связан с поощрением служебного рвения старосты деревни Туховежи Лужского района Ленинградской области, задержавшего и выдавшего генерал-лейтенанта Андрея Власова немецким властям 12 июля 1942 года, за что был премирован отнюдь не деньгами, а коровой, водкой и табаком¹⁰⁴. Процессы, порожденные драматическими событиями 1941–1945 годов, были похожи и распространены по обе стороны фронта.

МИХАИЛ НИКОЛАЕВ

ДЕНЬГИ И ВОЙНА: ЭКОНОМИКА ПОВСЕДНЕВНОСТИ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

101 Ильинский П.Д. *Три года под немецкой оккупацией в Белоруссии (жизнь Полоцкого округа 1941–1944 годов) // Под немцами. Воспоминания, свидетельства, документы. Историко-документальный сборник / Сост. К.М. Александров. СПб., 2011. С. 57.*

102 Саенко Н. *Таганрогский дневник (2 октября 1941 г. – 1 сентября 1943 г.) // «Нам запретили белый свет...»... С. 30–31.*

103 Там же. С. 54.

104 «Премирован коровой, водкой и табаком». Показания зондерфюрера Клауса Пельхау об обстоятельствах пленения командующего 2-й ударной армии 12 июля 1942 года // Военно-исторический архив (Москва). 2012. № 9(153). С. 178.

Закончилась война. Подведены были и ее финансовые итоги: согласно подсчетам, приведенным в одном из аналитических обзоров, количество денег в обращении на 22 июня 1941 года составляло 19,4 миллиарда рублей. К концу 1945-го оно увеличилось в 3,8 раза до 73,9 миллиарда. В обращение за военный период были выпущены 54,5 миллиарда рублей¹⁰⁵. Страна постепенно переходила к мирной жизни. По мере насыщения товарного рынка деньги вновь стали возвращать себе законные права: служить полноценным средством расчета и мерой стоимости. Важной вехой на этом пути стала отмена карточной системы в декабре 1947 года. Она проходила одновременно с денежной реформой, идеологи которой, предоставляя людям возможности гораздо свободнее использовать свои денежные средства, предварительно позаботились о том, как их жестко урезать.

105 Денежное обращение в 1941–1950 годах (аналитический обзор) // По страницам архивных фондов Центрального банка Российской Федерации. Вып. 5: Денежное обращение в СССР периода Великой Отечественной войны в документах (1941–1945 годы). М., 2008. С. 84.